А Ю ВЕСЕЛОВА

ИЗ НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА: СТАТЬЯ «О ПОЛЬЗЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЙ ОТ ЧТЕНИЯ КНИГ»

Публикуемая статья принадлежит перу А Т Болотова (1738–1833) и является третьей по счету в его рукописном сборнике, озаглавленном «Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писаных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги» Статьи сборника объединены по тематическому принципу и посвящены проблеме, волновавшей Болотова на протяжении всей жизни,— проблеме человеческого познания и, в частности, чтению, как одному из лучших и доступнейших способов расширения кругозора в различных областях знаний В «Предуведомлении» к сборнику Болотов указывает, что статьи эти были написаны в разное время (преимущественно в конце 1760-х гг), а в 1791 г переписаны в отдельную книгу « чтоб не могли распропасть разные мелочи и безделки, писанные мною в разные времена и при разных случаях»[1] При создании этой книги Болотов вновь обратился к излюбленному им эпистолярному жанру (как известно, знаменитые мемуары Болотова также выполнены в форме писем к вымышленному другу « чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь смешное»[2]) Данная статья датируется 1767 г , временем пребывания Болотова в родовом имении Дворяниново сразу после отставки В год составления сборника (1791) Болотов находился в г Бого-

[1] РНБ, ф 89, ед хр 64 Болотовы А Т , П А и М П , л 2

[2] *Болотов А Т* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков СПб , 1871 Т 1 Стб 2 В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно Болотов А Т

© А Ю Веселова 1999

родицке Тульской губернии в качестве управляющего царским имением. Основные положения являются отражением его воззрений, сформировавшихся под влиянием И. Хр. Готшеда, а также немецких эстетиков И. А. Гофмана и Х. А. Крузиуса, которые он неоднократно излагал в своих философских произведениях. Кроме того, публикуемая статья представляет несомненный интерес, так как лишний раз свидетельствует о том, что проблема чтения во второй половине XVIII века становится особенно актуальной и даже является предметом теоретических споров.

Рукопись находится в РО РНБ в Санкт-Петербурге (ф. 89, ед. хр. 64. 152 л. Болотовы А. Т., П. А. и М. П.) и представляет собой беловой автограф, выполненный на синеватой бумаге с водяным знаком 1787 г. Формат 12°. Переплет картонный, на корешке надпись, выполненная рукою автора: «Забавы живущего в деревне» — и номер, вероятно означающий место на полке в библиотеке: (30). 2.1.

О пользе, происходящей от чтения книг. Мысли, изображенные в письме к тому же приятелю в 1767 году

Любезный друг!

При конце последнего моего к вам письма обещал я сообщить вам когда-нибудь пространнейшие мысли о тех пользах, которые получать мы можем от чтения хороших книг. А как теперь в ожидании на письма мои от вас ответа нахожу я удобное к тому время, то хочу обещание свое исполнить. Вот они, любезный друг.

Польза, происходящая, или, по крайней мере, могущая произойти от доброго употребления книг, конечно достойна того, чтоб ее в некоторое уважение принимать. Она столь важна, столь велика и столь очевидна, что довольно надивиться невозможно, что люди так мало ее усматривают и почитают. Не доказательством ли тому, и не примером ли многие европейские государства, столь в короткое время в цветущее состояние пришедшие. Не с самого ли того только времени они процветать начали, как науки из прежнего забвения своего возобновлялись и книг довольное печатание началось?

Не противное ли тому доказывают другие земли, находящиеся еще в невежестве? Не видим ли мы многих народов в глубочайшем незнании и беспорядке еще живущих, а единственно от того, что у них ни малейшего еще обучения нет, и книг не печатается и не употребляется? Но что далеко примеров искать? Не видим ли мы того же в рассуждении самого отечества нашего, и не от часу ли наш народ знающее и умнее с того времени становиться стал,

как науки к нам вошли и печатание книг началось? Что было оно до времен владимировых, не та же ли это Сибирь нынешняя? Что было с нею и после того, покуда мы никаких наук еще не знали и ничему не обучались? Но я не хочу углубляться в дальние и пространные доказательства, но сообщу вам пример, который мне самому действительно видеть случилось

КЛЕОН И ЛЕОНИД (так назову я оных двух знакомцев моих, о коих я вам сказывать хочу) были два дворянских сына Они родились в одинаковых обстоятельствах, и дарования от природы получили равные Оба они от природы были неглупы, и оба воспитывались и росли при родителях своих, которые, имея равные достатки и равные, довольно знаменитые чины в войске, равные попечения и при обучении их прилагали Оба они обучены были немецкому и французскому языку, и оба от родителей своих еще в малолетстве в военную службу записаны и производимы были

Со всем тем, время и обстоятельства сделали между ними великое различие, и они теперь далеко не в одинаковом состоянии находятся

КЛЕОН,[3] будучи еще в младенчестве, не все время свое на игрушки употреблял Он был охотник до сказок, и с великою радостию их слушивал Сие было причиною, что он, научившись потом грамоте, и разные скорописные историйки не только читывал, но временем и списывал их для себя Он привыкал, мало помалу, к сему упражнению, и хотя в них ничего хорошего не было, однако они его веселили Наконец, во время жительства его в одном петербургском пансионе для обучения французскому языку, попался ему «Телемак»[4] в руки Сия книга возбудила ему охоту к читанию, он не мог устать, читая оную, и хотя он ее и для одного увеселения читал, но, между тем, вкус к сему роду книг неприметно в нем умножался

Побуждаем желанием еще более такие книги читать, старался он о доставании оных Но, по малоимению у нас тогда еще

[3] История Клеона — история самого А. Т Болотова, как она представлена в его мемуарах Следует отметить, что А Т Болотов, как и его герой, читал все упоминаемые в статье книги в русском переводе

[4] Роман Фенелона «Похождения Телемака», чрезвычайно популярный и один из наиболее читаемых на протяжении всего XVIII века Болотов, вероятно, читал следующее издание Похождения Телемака, сына Улиссова, сочинено г-ном Фенелоном < > переведено на российский язык в 1734 г и по особливому высочайшему соизволению < > государыни Елизаветы Петровны < > Напечатано при имп Академии наук СПб , 1747 Ч 1–2 Роман выдержал множество переизданий — см История переводной литературы СПб , 1995 Т 1 Проза С 85–87, 115–118, см также Болотов А Т Т 1 Стб 108

книг, так случилось, что только две, и то иного рода ему в руки попались, а именно «Жизнь принца Евгения»[5] и куррасово «Введение в универсальную историю»[6] Каковы сии три книги не были, но многократное повторение прочитывания оных Клеону великую пользу принесло Из «Телемака» получил он не только вкус в пиитических сочинениях, но некоторое понятие о древних войнах, обрядах, истории и мифологических вещах Евгениева книга впечатлела в него многие до нынешних времен и войны касающихся знаний, а из куррасовой книжки он всю историю и все то вкратце узнал, что на свете было и делалось до него Наивящая же польза, которую он от чтения сих книг получил, была та, что они вперили в него любопытство и охоту к познанию тысячи других вещей, о которых в них неясно и только несколькими словами было упомянуто Что он с того времени охотником до книг сделался, и какие бы ни попались, охотно читывал, было плодом того любопытства, а вкупе и тому, что хотя он при самом почти начале порядочного обучения своего, и будучи еще сущим ребенком, обоих родителей своих лишился, и, оказавшись совершенным сиротою, принужден был несколько лет в деревне один и на воле препроводить, однако нимало не испортился, но вместо того, чтобы живучи на свободе и в опаснейшие еще годы жизни вдаться во все дурное, занимался только беспрерывным почти чтением книг, какие только доставать мог, а при недостатке оных и списыванием наилучших мест из оных А от сего и воспоследовало, что по мере приумножающегося читания, распространялись от часу и знания его, так что он

---

[5] Описание жития и дел принца Эвгения герцога савойского и генералиссимуса над армиями его римского цезарского величества и всея империи, с грыдорованными изображениями всех его баталий и знатнейших осад / Пер И К Трауберта СПб , 1740 (2-е изд — СПб , 1770) Вольный перевод немецкой книги неизвестного автора «Подвиги великого военачальника Евгения герцога Савойского и императорского генерал-лейтенанта» (Des grossen Feld-Herrns Eugenii Hertrogs von Savogen und Kayserlichen General-Leutenants Helden-Thaten»), написанной в 1730-е годы и посвященной описанию жизни и походов известного австрийского полководца принца Евгения Савойского, покинувшего Францию и поступившего на австрийскую службу См также Болотов А Т Т 1 Стб 113–114

[6] Введение в генеральную историю, изданное на немецком языке от Гильмера Кураса, на российский язык переведено < > Сергеем Волчковым СПб , 1747 (2-е изд — СПб , 1762) Книга Г Кураса, представляющая собой рассказы по истории «от сотворения мира», была довольно популярна в России и использовалась как учебное пособие См также Болотов А Т Т 1 Стб 113–114

по прошествии нескольких лет без всякого особливого обучения некоторые науки почти совершенно узнал Знатнейшие географические и исторические вещи были ему все известны, а некоторым частям математики он сам собой и по одним книгам изряднехонько обучился Наконец, в бывшую прусскую войну, судьба его в Кенигсберг привела В сем городе мог уже он любопытство и охоту свою к книгам по желанию удовольствовать Знание немецкого языка ему великое вспомоществование делало, а он скоро сыскал случай к получению столько книг на прочтение, сколько ему угодно было Целый год не переставая почти читал он книги Но по несчастию были они все романы, ибо он, по обыкновенной склонности молодого человека к увеселениям, находил в них более вкуса, нежели в других книгах, и для того и бирал только одни романы Хотя сии книги и не такого рода, чтоб от них какой пользы надеяться можно было, однако они, по крайней мере, ему вреда не делали, но напротив того, ту пользу принесли, что он в немецком языке утвердился и об обыкновениях многих иностранных земель получил понятие, а паче всего за чтением оных не имел времени делать товарищам своим компанию и чрез то впасть в такое же непостоянство, беспутство и мотовство, в какое они впали, и сделаться негодным человеком [7] Наконец, случилось ему ненарочно взять Гофманову книгу о спокойствии и удовольствии[8] для прочтения Сия преизящная нравоучительная книга вывела его, так сказать, из сна и открыла ему свет, которого он до того времени не видал Одну ее прочитав, получил он вдруг охоту к нравоучительным сочинениям, ибо находил в них пользу, с увеселением смешанную, и то, чего он так долго не знал, а именно, учение, как человеку себя познавать и как знать свою истинную пользу и делать себя благополучным С того времени не читал он более уже романов, но чтение философических, нравоучительных, сатирических, исторических и других тому подобных учительных книг все его свободное время занимало Никоторые он с таким усердием и прилежностью не читал как те, которые либо о познании Творца, либо о познании человека и принадлежащих до него различных обстоятельств касались, и поелику он не так оные читал, как многие другие читают, а с примечанием и рассуждением, а при-

[7] См аналогичное рассуждение о романах *Болотов А Т* Т 1 Стб 852–857

[8] *Гофман А И* О спокойствии и удовольствии человеческом СПб, 1762–1763 Ч 1–2 (*Hofmann Jh* Ad Zwei Bucher von der Zufriedenheit Verbesserte Auflage (von J J Schwabe) Hamburg, 1760) См Болотов А Т Т 1 Стб 896

том, всякие случаи с собою сравнивая, собственные недостатки усматривал и от них с того же часа исправляться начинал, то чрез год его почти узнать было невозможно. Весь он, так сказать, переменился. Разум его так просвещен стал, что мог уже он не стыдясь с самым ученым человеком о высоких вещах говорить. Поступки свои он так от бывших недостатков исправил, что все дивились ему и общую похвалу приписывали, а что важнее всего, то из прежнего Клеона, который ни малого понятия ни о добродетели, ни о благочестии не имел, жил как все прочие живут, то есть нимало о себе не радея и не помышляя, вылился вдруг любитель добродетели и благочестия, и такой молодой человек, который добродетель и истинное спокойствие важнейшим уже себе благом почитал. Сим образом препроводил он еще год в таких же упражнениях, а особливо в рассматривании от часу более себя, человеческой жизни и всех на свете вещей, а временем разговорами с учеными людьми пользуясь, достиг он до нарочитого знания всех наук важнейших, а в рассуждении исправления своего так был ревностен, что многие от младенчества вкоренившиеся в него пороки когда вовсе истребить не мог, так, по крайней мере, весьма много уменьшил оные. Всем своим делам и всей жизни своей предписал он такие правила, которые единственно на добродетели основаны были, и в наблюдении оных так был строг, что многие случаи к получению чинов и к происшествию в люди умышленно для того только пропускал, что они правилам его противны, добродетельной жизни опасны и такие были, от которых он не столько добра, сколько худого надеяться мог. И как военная служба нимало не была со склонностями его несообразна, то избрал он наконец такой род жизни, который по довольном рассмотрении почитал он для себя лучшим, и потому, испросив себе увольнение от военной службы, удалился он в деревню и тут посвятил себя таким трудам, которые сколько ему приятны, столько и всему обществу полезны. Так что он и в деревне живучи не тщетно ест хлеб, но с каждым днем старается полезным быть своему отечеству и приобрести себе имя истинного патриота.

С ЛЕОНИДОМ напротив того, совсем иное происходило. Вместо того, что в Клеоне с младенчества некоторая охота к повестям и упражнениям была, Леонид и во время младенчества к оным охоты не имел. Одни резвости да разговоры и обхождение с рабами было его наилюбимейшим упражнением. Покуда жил он при отце и под смотрением его учился, до тех пор был он и хорош, и всякой похвалы достоин, но как скоро отцу более его держать при себе было неможно, и он его в наш Москов-

ский университет в том намерении записал, чтоб он не только выученные иностранные языки позабыть не мог, и в других бы науках осмотрелся, так скоро Леонид совсем иной вид воспринял. Не науки и не учение у него было на уме, но общество с рабами и компания с негоднейшими из учеников университетских было его всегдашнее упражнение. От сих научился он всему худому, и в короткое время не только все выученное при отце своем позабыл, но так одичал и так испортился, что и знака прежнего Леонида на нем не осталось. Словом, он сделался совершенным негодяем. Отец, узнав о худом поведении его, хотя и наказывал оного многократно, но не мог уже возвратить того, что уже потеряно, и, наконец, принужден был, взяв из университета, его в гвардию записать. Но Леонид и там еще ремень солдатский носит, хотя уже три года в службе, и все товарищи его давно уже сержантами, и нет нимало надежды, чтоб мог когда-нибудь быть из него порядочный человек и полезный член общества.

Вот, любезный приятель, два примера, которые довольно изъяснить могут, сколь читание книг полезно, а, напротив того, нечтение оных вредно быть может. Однако, в удовольствие ваше, докажу я теперь самое это же другим образом, а между тем, объясняться более сами собою и вышеупомянутые примеры.

Мы, будучи отменными созданиями от всех прочих, происходим на свет с отменными обстоятельствами. Если б мы на такой же конец назначены были, как скоты и звери, то может быть и мы по примеру их также со всеми совершенствами рождались, какие бы, например, для нас предназначены были, но как всемогущий Зиждитель нас гораздо выше скотам предпочесть и для лучшего конца создать соблаговолил, то и угодно было ему учредить, чтоб мы совсем в особливом состоянии, но с отменными обстоятельствами на свет производились. Не так уж мы родимся, как скоты и звери! Не способны мы ни к хождению, ни к питанию самих себя, ни к отправлению других дел, которые для нас необходимо нужны. Наги, немощны, бессильны, ни к чему неспособны, глупы, и, одним словом, в таком бедном состоянии родимся мы, что без помощи посторонней едва ль бы нам и два дня прожить возможно было. Самым первым и нужнейшим вещам должны мы несколько лет учиться, а всего удивительнее, что и говорить бы мы не умели, если б не вместе с другими людьми жили, и от них тому выучились понаслышке. Подобно зверю бессловесен и глуп был бы человек, если бы он на пустом острове всякого человеческого общения лишенным вырос, как тому несколько действительных примеров видано. Не явствует

ли из всех сих обстоятельств, что между намерениями Создателя нашего неотменно было и то, чтоб мы совершенствами своими и ближним своим несколько обязаны были, или, яснее сказать, он создал нас хотя со всеми способностями, какие только к тому концу потребны, на который мы созданы и на свет произведены. Однако хотел, чтоб способности сии не сами собою, но сперва с помощью других людей, а потом самим тем человеком к надлежащему действию удобными деланы были, дабы чрез то не только всех людей взаимным связать вспомогательством, но при том и случай бы дать к употреблению той особливой силы на благо, которая столь много нас от зверей отличает и одна к получению награждения способными делает, и которая обыкновенно от ученых *свободностью* называется.

Но я буду яснее говорить: Бесконечный Создатель, создав нас таким образом, требует, чтоб мы до тех пор от других воспитываемы, всему учены были и в сем бы зависели, покуда не вырастем. Но как скоро придем в возраст, как скоро разум и прочие наши силы чрез таковое научение до такой степени совершенства достигнут, что мы уже к произведению произвольных дел и сами способны уже будем, то требует он, чтоб мы конечно при тех знаниях не оставались, которые в малолетстве от родителей и от других людей получили, но способом врожденных в нас и уже к действию в способность приведенных сил, сами уже о распространении знания и о приведении разума своего в такое совершенство старались, чтоб он все те пользы нам приносить и ко всему тому служить мог, к чему он назначен и на какой конец мы сим одарены. Не без особливого может быть и то промысла было, что мы до пришествия в возраст только к таким наукам и знаниям способны, которые единственно только приуготовлениями к другим важнейшим и таким знаниям служат, о которых мы по возрасте сами уже стараться должны. Тогда-то начнет человек на свете собственную свою ролю представлять, тогда-то настанет время, что его уже членом общества почесть можно, и с которого благополучие или злополучие его производиться начинает.

Собственный конец, на который мы разумом одарены, конечно, великой важности. Ему надобно столь многие и важные дела отправлять, что для того необходимо довольное совершенство оного потребно. Все исполнение того, для чего человек на свет произведен, и, одним словом, все наше временное и вечное благополучие от сего совершенства как от начальной причины зависит, ибо всего прежде надобно разуму такому быть, чтоб он ясно познавал, что такое человек, зачем он на свете, что от него тре-

буется, и, наконец, что бы такое благополучие было, есть ли оное, в чем состоит, какими способами получается, как сии способы находит, и какие удобнейшие средства к тому находятся. Все сие короче и скорее сказать, нежели в действо произвесть можно сии слова не многие числом, но весьма многие знания в себе заключают, о получении которых необходимо человеку стараться надобно, буде он так жить и все то исполнить хочет, для чего он от Создателя на свет произведен.

Различные и многие сии знания должен человек сам собой снискивать и получать. К получению их дала ему природа только два средства: первое то, чтоб он старался сам собою чрез частые размышления о себе и о прочих вещах и чрез рассмотрение всех созданных и им видимых вещей от часу далее разум и познания свои распространял. Но поелику дорога сия так длинна, и на рассмотрение сие столь многое время требуется, что одной жизни человеческой на это конечно не достанет, то дала ему натура другое и гораздо более способнейшее средство, чтобы он, не в состоянии будучи сам собою обо всем надлежащем знание снискать, оными у других, оные имеющих, заимствовал, а сам бы только сими найденными и показанными ему дорогами от часу далее следовал.

Сие заимствование есть то, что мы обучением наук называем. Они ни в чем ином состоят, как в собраниях тех многих и различных, которые, мало помалу, людьми снискиваемы были.

И дивиться надобно, если сие обстоятельство ближе рассмотреть и в рассуждение принять! Посредством их можем мы в самое короткое время то узнать, что узнавать в несколько сот лет множество людей и с превеликими трудами старались. И не посредством ли печатания книг и поныне все то сообщается, чтобы кто во всем почти свете новое ни сыскал и ни выдумал.

Итак, любезный друг, не великая ли польза и нам, и всему человеческому роду от наук происходящая? И не особливой ли важности употребление и чтение книг есть? Я сему последнему еще для того более пользы приписываю, что наукам обучаться не всякому время, и не у всякого довольно к тому достатка бывает, напротив того, чтение книг и в десятую долю тем затруднениям не повержено. Их гораздо множайшему числу и доставать, и читать и время, и случай, и достаток дозволяет.

Я, рассуждая о сем обстоятельстве, не могу довольно надивиться, что люди так мало сию важность в рассуждение принимают, а временем весьма еще смешное противоречие делают.

УСТИН, например, от всего сердца своего желал бы истинное благополучие получить. Он знает о том, что он многим порокам

подвержен, и жизнь его далеко не такова, какой бы ей быть надлежало. Он сожалеет о том, что не знает, как бы ее ему исправить и пороки свои истребить возможно было. Но со всем тем ненавидит он книги, и деньги, употребляемые на покупку, а время на читание оных, потерянным считает, несмотря на то, чтоб они всего скорее ему в сем случае помочь и к исправлению своей жизни и к снисканию благополучия след и все средства показать могли. Вот каковы мы человеки! И коль смешны мы бываем иногда.

Посмеемся же, любезный друг, сей глупости человеческой, или паче подивимся и раннему их о самих себе нерачению, и вкупе пособолезнуем о таковой слабости человеческой. Сами же, между тем, презря суждения всех невежд, постараемся, сколько можно, себя от того удалить и о истинном своем благополучии помышлять более, и делать всегда то, что предписывает нам наш разум.

Сим прекратя мое письмо и пожелав вам всего доброго, остаюсь и проч.